

Яркий араччин и местами потерянный портфель со множеством черно-белых снимков являются неизменными спутниками этого харизматичного знатока бакинской старины, живущего на двух континентах.

Новый гость рубрики "Фактор Личности" - исследователь бакинской истории и архитектуры, автор и ведущий телевизионного проекта "Бакинские тайны" Фуад Ахундов.

РАССКАЗ О ЗНАТОКЕ БАКИНСКОЙ СТАРИНЫ, ЖИВУЩЕМ НА ДВУХ КОНТИНЕНТАХ

** * **
*Как театр одного актера,
Он мэтр истории бывлой.
Известен пестрым араччином
И голос - с легкой хрипотцой.
Он городских легенд слагатель,
Домов старинных пьетет.
Потерянных снимков собиратель,
Которым больше сотни лет.
Архитектурные красоты
И яркий луч, скользнувший с крыш,
Как колыбельная Кавказа - Баку,
Похожий на Париж.
Почтенной публики любимец,
Он покоряет города,
Баку же - кровная обитель.
Он возвращается сюда.*

Зиба Расул

Зиба Расул: - Рада вас приветствовать, Фуад муаллим. Спасибо, что приняли мое приглашение. Надеюсь, что наша беседа раскроет читателю новые грани вашей личности.

Фуад Ахундов: - Здравствуйте, Зиба ханум. Спасибо, что пригласили.

З.Р. - Каждое ваше выступление - это небольшой моноспектакль, на котором вы щедро делитесь с людьми своей энергией. А как вы заряжаетесь, откуда черпаете силы, чтобы идти дальше?

Ф.А. - Знаете, я уже долгое время ловлю себя на мысли, что моей главной движущей силой является моя аудитория. У меня, может быть, и небольшая, но очень благодарная и верная публика, которой я также верен. Я горжусь, тем что у меня есть свой слушатель, который меня заряжает и является очень значимым драйвом.

З.Р. - Вы родились и выросли в Баку. Расскажите о своих корнях. Кем были и чем занимались ваши родители?

Ф.А. - Да, я родился и вырос в Баку. Мои родители востоковеды-арабисты, причем мама, будучи ненамного старше, преподавала отцу, который влюбился в свою молодую учительницу, пытаясь ее впечатлить и побочным эффектом этого впечатления оказался я. Будучи ребенком, я довольно длительный период времени проводил с родителями в их заграникомандировках в Ираке, в Йемене, и эти поездки порошили во мне большой интерес к Востоку и впоследствии обусловили выбор будущей профессии. Как продолжатель семейных традиций, я стал студентом факультета востоковедения Бакинского государственного университета, окончив который, увы, не стал

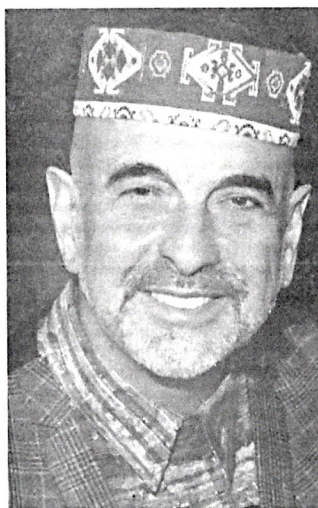
работать в сфере своего базового образования. Причиной тому было то, что с распадом Советского Союза потребность в арабистах отпала и литературный арабский язык - фусха, который я изучал в течение пяти лет, к сожалению, оказался мертворожденным. Сейчас, по прошествии более тридцати лет, конечно, жаль, но без практики такой сложный язык, как арабский, напоминающий капризную женщину, которой нужно посвятить всего себя, окружив заботой и вниманием для того, чтобы она небрежно и высокомерно наконец раскрыла тебе свои тайны, обречен быть забытым. Сегодня, когда я слышу арабскую речь, я вроде бы понимаю отдельные слова, но не могу уловить смысла сказанного. Может быть, со временем мне и удастся реанимировать мои подзабытые знания.

З.Р. - Как говорится, все мы родом из детства, а каким в вашей памяти остался маленький Фуад из двадцати третьей школы? И есть ли у него сходство с вашим сыном?

Ф.А. - Знаете, если вспоминать того маленького Фуада из двадцати третьей школы, то сейчас он мне не понравился бы, потому что в детстве я был слишком правильным мальчиком-отличником. Кстат, с годами все слишком правильное стало меня раздражать и вызывать сомнения. Что касается моего сродства с моим сыном, внешне оно, конечно, присутствует, судя по моим и его детским фотографиям. Ну а что касается образования, подхода к жизни, практичности, он намного меня опередил. Мой сын окончил канадскую школу и вырос в совершенно другой среде. Возможно, канадские школы и не дают того обширного кругозора и знаний, которые были у нас, но эти школы делают людей гораздо практичными, более твердо стоящими на ногах.

З.Р. - Фуад муаллим, есть ли у вас закадычные друзья, которым вы можете, например, сказать "А помнишь, на даче у дяди Рафика..."?

Ф.А. - Друзья, безусловно, есть. У меня небольшой, сложившийся годами и прошедший испытание временем круг друзей как в Баку, так и в Торонто. Самое интересное, что и в Баку, где мои товарищи близки мне по происхождению и по взглядам, и в Торонто, где период моей эмиграции составляет восемнадцать лет, моими друзьями являются азербайджанцы. Так сложилось, что за все время про-

живания за океаном я не обрел ни одного друга-канадца, и в этом Канада, отнюдь, не виновата. Просто, видимо, я не врос в эту среду, да и страна не ставила эмигрантам первого поколения жестких условий интеграции. Вот у моего сына, как эмигранта второго поколения, помимо азербайджанских товарищей, есть и канадские друзья. А мы эмигранты первого поколения вращаемся в своем узком, дружеском кругу, и как бы это парадоксально ни звучало, времени на общение с друзьями в Торонто у меня намного больше, чем в Баку. Приезжая в Торонто, я уже не в первый раз ловлю себя на мысли, ч, к радости от встречи с сыном, с которым ввиду его занятости на работе я общаюсь, увы, нечасто, прибавляется еще и радость от встречи с моими канадскими друзьями, период общения с которыми исчисляется годами. Да, у меня есть очень хорошие товарищи в Баку, перед которыми я испытываю чувство колоссального недоубства, потому что на встречи и общение с ними попросту не хватает времени, которое у меня уходит на работу.

З.Р. - Как вы считаете, дружба понятие круглосуточное или вы любите, когда соблюдаются рамки?

Ф.А. - Вы знаете, я не пытаюсь записать понятие "дружба" в "прокрустово ложе" каких-либо рамок или иных канонов. Для меня дружба - это состояние души, когда находишься на одной волне; это люди близкие мне по своей настройке, по своей заточке, те, кто близок по духу, с которыми я говорю на одном языке, не лингвистическом, а человеческом. А что касает-

ся правил коммуникации - они, безусловно, существуют и соблюдаются.

З.Р. - Вы консервативный человек или вас привлекают новизна и яркие впечатления?

Ф.А. - Я очень консервативный человек. Любое новшество у меня очень быстро консервируется, превращается в какое-то правило, и если оно подходит моему образу жизни, то оно вряд ли из него выйдет. Больше всего я боюсь резких изменений в своем устоявшемся укладе жизни.

З.Р. - На ваших выступлениях часто звучит тема любви, а теме женщин вы посвятили отдельный вечер. Если провести параллель: умные, образованные женщины страны тогда и сейчас, что, по-вашему, изменилось, а что осталось неизменным в национальном портрете женщины-азербайджанки?

Ф.А. - Несмотря на то, что у меня есть сохранившаяся информация о женщинах начала двадцатого века, но она не может заменить впечатлений от живого общения, поэтому я бы не стал проводить параллель между ними и ханумами современности. Мне довольно общаться с женщинами того периода: с Сарой Ханум Ашурбеили - дочерью видного дворянина, промышленника и мецената Бала-бека Ашурбекова; с дочерью неизвестного Гаджи Зейналабдина Тагиева Сарой Тагиевой, чья жизнь в советский период складывалась очень печально и трагично. Это были хрупкие внешне, но очень сильные духом женщины. Я думаю, что очень важно, чтобы женщины при всей своей женственности, мягкости, очаровании, феминности

имела крепкий внутренний стержень. И это не имеет никакой этнической окраски, это вневременное понятие. Меняется мода, прически, увлечения, но стержень остается. Ну а если провести параллель между западной и восточной женщиной, то, на мой взгляд, именно восточная женщина является тем природным алмазом, который обрамляют шарм, манеры и образование, делая ее настоящей женщиной.

З.Р. - Какие люди вам интересны?

Ф.А. - Мне интересны самые разные люди, главное, чтобы они были позитивными - это я ценю в человеке больше всего. Там, где есть позитивный настрой, человек обязательно раскроется, потому что именно это качество является ключом к общению.

З.Р. - Бытует мнение, что дом может многое рассказать о своем хозяине. Пестрит ли дом Фуада Ахундова черно-белыми снимками Старого города и изображениями архитектурных шедевров или интерьер вашего жилища имеет другой облик?

Ф.А. - Фотографий Старого Баку в моей бакинской квартире нет - они есть в моей торонтской квартире, потому что там мне гораздо приятнее лицезреть старинные, архивные фотографии столицы, среди которых есть даже аэрофотоснимки времен Первой Мировой войны. Что касается моей бакинской квартиры, то там, помимо портрета исторического дедушки - Гаджи Зейналабдина Тагиева, оригинально исполненного чечанкой, и портрета дедушки национального - Гейдара Алиева - находится целый иконостас с изображениями членов моей семьи и моих предков. Это и портрет деда по отцовской линии Мамеда Гасановича Ахундова, который был в свое время довольно известным человеком - возглавлял противочумную станцию. Он был человеком жестким с сильным стержнем, а благодаря незаурядным внешним данным пользовался большим успехом у прекрасного пола. Далее, его черно-белый портрет с бабушкой, которая родила ему троих замечательных сыновей. Есть цветные изображения моих родителей, мои фотографии с родителями и с сыном. Также стену моей квартиры украшает коллаж, состоящий в основном из черно-белых изображений моего детства, фотографиями, где я с бабушкой по материнской линии, снимком школьных лет. И, конечно же, есть мои портреты с любимой женщиной. Семейный иконостас, который украшает стены моей квартиры, - это дорожное моему сердцу место. А видовыми фотографиями и снимками города пестрит мой экскурсионный портфель.

З.Р. - Поговорим о ваших заокеанских концертах. Что вы можете сказать о той публике? Накладывают ли свой отпечаток на восприятие ваших историй расстояние и тоска по родине?

Ф.А. - Одна часть моей заокеанской публики - это выходцы из стран бывшего Советского Союза, другая - земляки-бакинцы, которые, кстати, принимают участие в организационных выступлениях. На творческих вечерах в Лос-Анджелесе, в Торонто, в Хьюстоне, в Филадельфии я не чувствую особой разницы в восприятии зрителя, разве что там чуть больше ностальгии, чуть более трепетного отношения. Но то, что объединяет мою публику на обоих континентах, - это аура, которая расправляет мне крылья и помогает творить.

З.Р. - Я знаю, что вы любите поэзию. А сами не пробовали сочинять?

Ф.А. - Я очень люблю поэзию и сочинять люблю тоже. У меня есть экспромты, которые я позволяю себе вынести на суд моей аудитории, но их очень немного. Знаете, мои стихи несут или личный характер, так как посвящены любимой женщине, или же предназначены для очень узкого круга слушателей, так как написаны в стиле Нью - так что на публику я пока не пишу.

З.Р. - Расскажите о своем портфеле - насколько я знаю, он весит более девяти килограммов и вмещает до семисот фотографий.

Ф.А. - Мой экскурсионный чемоданчик, который я называю "джехиз" (в переводе с азерб. приданое) является еще одним атрибутом проводимых мной туров. Весит он уже за десять килограммов, потому что я не могу удержаться от соблазна, чтобы не добавить к своей коллекции новые интересные фотографии. Я с трудом представляю себе экскурсию, не подкрепленную визуальным рядом, позволяющим представить, как то или иное место выглядело с этого же ракурса, но сто лет назад. И именно фотографии помогают погрузить людей в атмосферу того времени, о котором я рассказываю. Экскурсионный портфель собирался более тридцати лет и вмещает в себя более семисот пятидесяти старинных фотографий, среди которых и видовые снимки, которые мне предоставлялись в архиве, и портретные изображения, которые, в основном собирались в семьях. В какой-то степени я выполнял обязанности архивного служащего, относя семейные фотографии в фонд, где они копировались, становясь городским достоянием; а архивы, в свою очередь, предоставляли мне доступ к своим материалам. И вот тут я вышел на золотой пласт городских снимков. Мое сотрудничество с Государственным архивом кинофотодокументов Азербайджана в лице его бессменного директора - Нины Григорьевны Фищевой, прослужившей на этой должности более полувека, позволило создать эту бессменную коллекцию снимков, которую я ношу с собой и которой делюсь. Вы знаете, без этого тяжелого "джехиза", который порой оттягивает спину, я чувствую себя бесприданницей. Правда после каждой экскурсии мне требуется немало вре-

мени, чтобы распределить фотографии в нужной последовательности. Многие говорят, что я бесконечно отстал от жизни, отказываясь пользоваться планшетом. Да, возможно, это было бы удобно, но я не особо дружу с техникой, да и фотографии на планшете бликуют. Вообще, все эти современные технологии не создают той фактурности снимков, которые я могу пустить по рукам, чтобы люди могли их посмотреть, передавая друг другу, и комментировать, погружаясь в атмосферу той эпохи. Люди уносят с экскурсий настроение, и поэтому я рассматриваю свои туры как некий перформанс с мобильной аудиторией, быстро сменяющимися декорациями и актером на сцене.

З.Р. - Фуад муаллим, ощущаете ли вы себя комфортно в наше время или предпочли бы жить среди героев ваших повествований лет, эдак, сто назад?

Ф.А. - Для меня история живет в людях, потому что глобальную историю, пожалуй, можно проследить по судьбе одного человека. Помимо исторической эпохи отправной точкой моих исследований является старинный дом, за которым и раскрывается образ владельца. Причем нередко жилище отражает характер своего хозяина. Когда я поделился этим олицетворением с Александром Моисеевичем Городничим, у того сложился знаменитый экспромт:

*Стою, куда не знаю деться,
В Баку, на утреннем ветру,
Дома похожи на владельцев
По облику, и по нутру.*

Вы знаете, когда я начинал свои исследования, то идеализировал эпоху конца девятнадцатого - начала двадцатого века, в которой мне хотелось бы жить. Тем более и в литературе меня привлекала поэзия Серебряного века. Но объективно я понимаю, что это время было довольно сумбурным, тем более что за ним последовала эпоха советской власти и сталинизма, пожалуй, одного из самых беспощадных периодов. С годами же ко мне пришло понимание того, что нужно любить свое время. Проанализировав разные исторические эпохи за последние сто лет, я пришел к выводу, что мы живем в очень интересное и далеко не худшее время. Осознав этот факт, мне жить стало легче и приятнее, хотя современную эпоху я тоже не идеализирую. А если говорить о нашей стране, то независимость и субъектность, которые демонстрирует Азербайджан, эта небольшая страна, которая смогла решить вопрос целостности своих границ и заявить о себе на мировой арене, заслуживает большого уважения. И я счастлив тем, что я живу в тот период, когда Азербайджан не просто обрел независимость де-юре, но и сумел защитить ее де-факто.

З.Р. - Ваши знания и труды очень ценны. Вы не задумывались о пере-

даче их новому поколению исследователей?

Ф.А. - Да, конечно же, я об этом думал. Я как-то проводил мастер-классы, на которых делился знаниями с теми, кому это интересно. У меня есть некоторые последователи, с которыми я делюсь своим опытом, информацией и фотографиями, но на преподавательскую деятельность пока не хватает времени. Возможно, со временем я этим и займусь.

З.Р. - Вы много путешествуете и конечно же наблюдаете. Как, по-вашему, какую новизну можно принести в городской ландшафт, чтобы подчеркнуть его уникальность?

Ф.А. - Вы знаете, живя в Торонто, где я увлекаюсь греблей, сап-серфингом и ездой на велосипеде, несмотря на то что Канада по сравнению с Европой не самая комфортная для велосипедистов страна, я мечтал, чтобы и в Баку появились эти новшества. И вы знаете, по прошествии стольких лет небеса услышали мои мольбы - в Баку у Площади Флага восстановлен гребной клуб и появились велосипедные дорожки, которых, я думаю, со временем будет больше. Это очень хороший тренд, потому что автомобили нужно теснить в пользу общественного транспорта и велодорожек. Все те новшества, которые привлекали меня в Канаде последние семь-восемь лет, постепенно приходят в Баку, приобретая специфичный бакинский окрас, но именно под этим углом видения: с доски, с велосипеда, с байдарки мне этот город нравится еще больше. Я бы очень хотел, чтобы для гребцов открыли бульварную зону, расширив акваторию, куда можно было бы заходить на лодках, как во времена, когда вся Бакинская бухта была полна парусниками и гребными лодками. А вместе с тем предстоит серьезная работа по улучшению экологической ситуации в Бакинской бухте, которая, думаю, тоже постепенно будет реализована. Если тот тренд, который намечился в последние годы, продолжится, то в скором времени еще одним атрибутом облика Бакинского бульвара станут каяки, гребные лодки и парусники.

З.Р. - И напоследок один небольшой катрен от Фуада Ахундова.

Ф.А. - Все свои туры я начинаю небольшим четверостишием-эпиграфом, который настраивает людей на соответствующую волну восприятия истории города:

*За каждым камушком Баку,
Нас встретит караван историй,
Но лишь печальный их финал
Им реквиемом грустным вторит.*

З.Р. - Фуад муаллим, спасибо вам за интересную беседу. От себя лично, а также от огромной аудитории бакинцев хочу поблагодарить вас за все, что вы делаете для нашего города.

Ф.А. - Вам спасибо, Зибя ханум.